

«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте*

DOI 10.22394/1726-1139-2017-9-178-192

Таирова Нэлли Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Доцент кафедры государственного и муниципального управления

Кандидат исторических наук, доцент

mmandrik@mail.ru

РЕФЕРАТ

Витте предвидел свою очередную отставку, однако продолжал содействовать своим именем в получении европейского денежного займа, спасая Россию от государственного банкротства. 22 апреля 1906 г. «отец-основатель» Думы и самый успешный министр в правительстве Николая II граф С. Ю. Витте получил царский рескрипт о своей отставке. В 1909 г. открытие памятника Александру III станет последним актом совместной политической деятельности Витте и Николая II. Смерть опального премьер-министра Витте 28 февраля 1915 г. стала для царя «Божьим знаком», настало время жить без Витте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Совет рабочих депутатов, денежный заем, отставка Витте, справка о Манифесте 17 октября, бомба, И. И. Колышко — пьеса «Большой человек», памятник Александру III, номинант на Нобелевскую премию мира

Tairova N. M.

«The Easter World» of Nicholas II during the Bell for Witte Tolded

Tairova Nelly Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management

PhD in History, Associate Professor

mmandrik@mail.ru

ABSTRACT

Witte expected the next resignation, however continued to assist the name in receiving the European monetary loan, saving Russia from the state bankruptcy. On April 22, 1906 “founding father” of the Duma and the most successful minister in Nicholas II’s government count S.Yu. Witte has received imperial rescript about the resignation. In 1909 opening of a monument to Alexander III will become the last act of joint political activity of Witte and Nicholas II. The death of the disgraced prime minister Witte on February 28, 1915 became for the tsar “God’s is familiar”, time to live without Witte has come.

KEYWORDS

Council of working deputies, monetary loan, Witte’s resignation, the certificate of the Manifesto on October 17, a bomb, I. I. Kolyshko — the play “Big Person”, a monument to Alexander III, the nominee for Nobel Peace Prize

Витте возлагал большие надежды на Земский съезд, проходивший в Москве 6 ноября 1905 г. На съезде раздавались речи о необходимости сотрудничать с властью, но и выступали против манифеста. Случилось такое положение, что ни революци-

* *Продолжение.* Начало см.: Управленческое консультирование. 2016: № 3. С. 166–183; № 9. С. 159–171; № 10. С. 173–184; № 11. С. 149–163. 2017: № 2. С. 103–120; № 3. С. 134–145; № 4. С. 176–192; № 7. С. 153–168; № 8. С. 142–154.

онеры, ни прогрессивные земцы, по мнению князя Е. Н. Трубецкого, были недовольны манифестом. И все же А. И. Гучков настаивал на поддержке правительства в борьбе с восставшими, чтобы дать отпор революции, а П. Б. Струве предлагал в условной форме поддержать правительство, если оно примет программу съезда, однако съезд не счел возможным поддерживать кабинет министров Витте [18, с. 322].

Витте учитывал настроения рабочих и в некоторой степени пытался заигрывать с ними. В целом он хотел добиться порядка и спокойствия в Петербурге. Витте объяснял, что ситуация в рабочем движении складывалась сложная: рабочие разделились на два враждующих лагеря. В одном, выделились рабочие-консерваторы во главе с рабочим Ушаковым, а в другом — рабочие-революционеры и анархисты, их оказалось большинство. Вот они-то и образовали Совет рабочих во главе с Г. С. Носарем [4, с. 98]. Совет рабочих возник в ходе Всеобщей политической стачки 13 октября 1905 г. на учредительном заседании в технологическом институте. 14 октября во главе Совета стал беспартийный адвокат Г. С. Носарь (Хрусталева). Как видно, Совет рабочих в Петербурге был образован раньше, чем появился Манифест 17 октября 1905 г., а соответственно, и раньше, чем правительство Витте. Витте не смог оценить свои силы и наладить отношения с Советом рабочих. Н. Н. Покровский свидетельствует, что, по общему отзыву, Витте с самого начала растерялся и не сумел взять надлежащий тон в общении с Советом рабочих. Поскольку с помощью войск революционному движению был нанесен урон, то не было основания вести двойную игру. Причем, эта двойная игра довела до того, что «неизвестно было, кто кого арестует: Витте — Хрусталева или Хрусталева — Витте». В этих условиях, когда решался вопрос, кто кого одолеет, появился министр внутренних дел П. Н. Дурново. Разумеется, он вовремя понял, что необходимо действовать решительно, взял и первый заслонил Витте [7, с. 195]. Он лично распорядился об аресте председателя Совета рабочих Г. С. Хрусталева-Носаря, именно его арест 26 ноября послужил призывом к подготовке вооруженного восстания. Не ожидая развертывания революционных событий, П. Н. Дурново 3 декабря арестовал Совет рабочих депутатов и его исполком — всего 237 человек, во главе с Л. Д. Троцким весь центр с пленарного заседания был препровожден в тюрьму [8, с. 516].

Можно сказать, с этого момента Витте теряет свой ореол всесильности, все увидели слабость Витте и властность П. Н. Дурново, который реально понимал, что власть все еще сильна и способна справиться с революцией.

Любопытны заметки С. Е. Крыжановского о состоянии Витте в период крушения его власти. Он отмечает, что Витте пытался всем угодить, у него не было определенного плана действий, один хаос в голове, поражаало то, что Витте не производил впечатления всесильного чиновника. Учитывая взлеты и падения Витте, его подчиненный подчеркивает, что возможно, он был на высоте в финансовой сфере, но только не в политике. В политике, по мнению С. Е. Крыжановского, Витте производил впечатление скорее авантюриста, чем государственного деятеля [13, с. 354]. Действительно, Витте у своих современников вызывал противоречивые мнения. В бюрократических кругах его властность и беспринципность доходили до дерзости и неразборчивости. Будучи сам не безупречным, великий князь Александр Михайлович ставил в вину либеральному Витте недопустимые политические сделки с крайне правыми элементами в целях получения своей выгоды, называя его «самодовольным Макиавелли» [6, с. 217]. На каком бы посту Витте не находился, он не только притягивал к себе людей, но и вся власть сосредотачивалась в его руках. Существовала полная зависимость всех ведомств, как в свое время от всесильного министра финансов, так и в революционных условиях — от главы Правительства. Все это вызывало у окружающих скрытое желание быстрого падения Витте.

К этому времени царь начинает менять свое отношение к Витте, он не казался уже энергичным и деспотичным человеком, как это было в начале революции. Революционную стихию после 17 октября обуздано вмешательство министра внутренних дел П. Н. Дурново, состоящего в кабинете Витте. Личной «самодержавной» властью министра и полицейской хваткой П. Н. Дурново приостановил гибель царского строя, стоящего на краю пропасти. Он беспощадно расправился с бунтующими и внешне восстановил порядок в стране [8, с. 24]. При этом всех удивило бездействие Витте, оно вызывало странное впечатление, а его нерешительность оценивалась как некомпетентность. На фоне решительного П. Н. Дурново либеральные заигрывания Витте с общественностью казались недостаточными и проигрышными. П. Н. Дурново с его силовыми методами более привлекал царя, он вновь прибегнул к своему любимому методу, противопоставив их друг другу. Возвышая одного П. Н. Дурново, он предоставил ему больше полномочий, чем ущемил роль «премьер-министра» Витте. Несмотря на то, что П. Н. Дурново был призван в кабинет министров самим Витте, однако в начале 1906 г., премьер уже стремится отделаться от П. Н. Дурново, его раздражало, что такая одиозная фигура, как Дурново, включена прессой в словосочетание «кабинет Витте-Дурново». Витте не собирался представлять правительство перед Думой в таком составе. Доходило до того, что Витте срывается на заседаниях и переходил на крик в порыве гнева на П. Н. Дурново. Разумеется, в их отношениях все отчетливее была видна враждебность. П. Н. Дурново все более прикрывался милостью царя и вел себя слишком вызывающе по отношению к Витте. По мнению Витте, виновником враждебности между ними был царь, который «обольстил» П. Н. Дурново тем, что утвердил его «тайком» от Витте министром внутренних дел, а П. Н. Дурново понял, что царь не намерен долго опираться на Витте и как только подвернется случай, охотно расстанется с ним. П. Н. Дурново стал действовать по принципу «где лучше»: быть персоной *gratissima* в Царском Селе или служить у графа в Петербурге. Дурново выбрал Царское Село¹.

Что касается Витте, то он «связал себя с манифестом, должен был опираться на общество и ради этого шел на компромиссы. П. Н. Дурново был свободный»². Возникли догадки о возможном смещении Витте и замене его на П. Н. Дурново. Примечательна речь члена ЦК «Союза 17 октября» Д. Н. Шипова на соединенном съезде Санкт-Петербургского и Московского отделений 8 января 1906 г., где он констатировал, что «все одинаково относятся с недоверием к политике графа Витте». Тем не менее он пытался убедить присутствующих, что «не следует содействовать падению кабинета», иначе «вероятна возможность назначения премьером П. Н. Дурново»³.

Сторонник правительства Витте А. Ф. Керенский, известный юрист того времени, выразил умеренные взгляды на действия Витте в исторически трудные времена. По его мнению, независимо от того что правительство Витте допустило немало ошибок за короткий срок своего существования, сам Витте проявил себя как «величайший государственный деятель в истории России», и его значительным вкладом в развитие политической свободы явились «свободные выборы» в Государственную Думу. По мнению А. Ф. Керенского, свободные выборы в Думу — это «лебединая песня» Витте [11, с. 63]. По мнению Керенского, граф Витте весной 1906 г. успешно спасал предвыборную кампанию, не допуская вмешательства или давление властей на избирателей [11, с. 62].

¹ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 320; см. также: [1, с. 195–196].

² Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России. (Воспоминания современника). Т. 3. Париж, 1936. С. 421.

³ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1996. С. 47.

Естественно, в революционном угаре отношения царя к Витте превратились в неприязненные, видимо, Николай II пришел к убеждению, что его премьер-министр должен был проявить больше энергии в защите самодержавного строя, чем политических уступок интеллигенции после революции 1905 г. Свое уничижительное отношение к Витте император выразил в письмах за 1905 и начало 1906 гг. к своей матери, императрице Марии Федоровне, как бы с укором указывая ей, что она незаслуженно покровительствовала Витте, а он лично следовал только ее советам по поводу сохранения Витте возле себя. Царь пытается раскрыть ей безнравственные качества Витте, показывая, что он разочарован в нем не только как в политике, но и как в человеке. Отчуждение к Витте возникло у Николая не на пустом месте: смолodu он видел в нем своего конкурента: и физически, и профессионально. Витте по всем статьям казался Гулливером в стране лилипутов. Это как раз и пугало Николая II, получалось, что Витте присваивал себе государственные дела, ущемляя достоинство и интересы государя императора. Они переставали быть в одной упряжке.

Либеральный проект под названием «Государственная Дума» окончательно поставил крест на их отношениях. Николай II был убежден, что Витте способен его предать в любую минуту, а соответственно, ему невозможно доверять [8, с. 534, 535]. Как объясняет П. Н. Милюков, «далее его услуги были не нужны [15, с. 18]», т. е. Витте-сановник «изжил» себя. Как должен вести себя первый премьер-министр, если знает, что царь прикладывает все усилия для его отставки? Витте вел все дела весьма корректно, но торопился довести начатую еще в 1905 г. операцию с В. Н. Коковцовым по денежному займу в Европе. Однако и царь не спешил с отставкой Витте, понимая, что Европа может дать денежный заем России только под Витте, так высоко было доверие европейцев к Витте. В свою очередь Витте провел секретные переговоры в течение двух дней в доме великого князя Владимира Александровича с главой синдиката французских банков и банковских домов Э. Нецлиным, прибывшим инкогнито в Санкт-Петербург 2 февраля 1906 г. На встрече помимо Витте присутствовали с русской стороны И. П. Шипов и В. Н. Ламздорф. Главным разработчиком плана денежного займа был Э. Нецлин, который в письме от 27 февраля 1906 г. предложил Витте следующие комбинации: создать вокруг займа сильное спекулятивное движение, включая в него банки, биржевых маклеров, посредников, прессу — как придаточные колеса операции, но так, чтобы вся спекулирующая публика могла бы извлечь для себя выгоду¹. В качестве наживы предлагалось установить цену на бумаги, которые будет скупать синдикат у русского правительства, на минимальном уровне. Другая часть сделки касалась политической поддержки Франции со стороны России на международной конференции по Марокко в испанском городе Альжесирасе. Несмотря на то, что Россия сама находилась в кризисе, революция наступала на власть и нужны были деньги на ее подавление, она придерживалась своей дипломатической миссии — не нарушать договор с Францией. В конечном итоге политическое противостояние Франции с Германией было преодолено, на стороне Франции выступили не только Россия, но Англия и Италия. И только после 18 марта 1906 г., когда решились все спорные вопросы марокканского кризиса, министр финансов Р. Пуанкаре дал согласие на денежный заем и разрешил русскому послу в Париже А. И. Нелидову начать переговоры о подписании контракта. У Витте не было твердой уверенности в этой сделке, он в эти критические дни находился в напряженном состоянии, боясь, что где-то может сорваться, тем более, что у В. Н. Коковцова постоянно все переговоры срывались. Наконец 9 апреля 1906 г. был опубликован указ о выпуске займа.

¹ Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. М.; Л., 1926 (Центрархив). С. 277. Письмо Э. Нецлина С. Ю. Витте от 27 февраля 1906 г.

Э. Нецлин и С. Ю. Витте провели операцию по денежному займу с успехом. Э. Нецлин сотворил на спекулятивных махинациях эпоху в финансовом мире, а Витте — спас страну от неизбежного государственного банкротства [10, с. 444–447]. Тем не менее в петербургских кругах по-прежнему к Витте относились с недоверием и ждали его ухода. Эти слухи подтверждаются А. В. Богданович, которая фиксирует отношение царя в марте-апреле 1906 г. к Витте: «Непонятен царь, который ненавидит Витте, его боится и все-таки держит его» (7 марта); «Сегодня известно, что якобы Витте уходит и на его место — Коковцов» (9 марта); «Говорят об уходе Витте, что он уже два дня не был в Комитете министров. Называют его заместителями Муравьева и Коковцева» (12 марта); «27 марта был у царя Витте, что снова его запугал, что он царю сказал, что торжество кадетов на выборах было следствием репрессивной политики Дурново, которая всех обозлила. По словам Штюмера, дни Дурново как министра внутренних дел сочтены, что идет теперь глухая вражда между Витте и ним и осилит непременно Витте» (30 марта). Очевидно, что общественность впитывала все то, что происходило «наверху», буквально, всех интересовала Дума, которая должна была собраться 27 апреля. В этой ситуации Богданович не упускает из виду последние действия Витте и все то, что о нем говорили перед его уходом из правительства. Богданович сообщает, что он занимался подготовкой открытия Думы, в частности, вопросом субсидии денег на покупку квартир для членов Думы — крестьян (16 апреля), которые должны были приехать в Петербург из провинции; участвовал в подготовке нового «Свода основных государственных законов» (17 апреля) [2, с. 375, 376, 379, 383].

Значительным событием для Витте в суе государственной стал его личный праздник по случаю утверждения 11 апреля 1906 г. сенатским Департаментом Герольдии его графского герба. Его заявление, поданное 9 марта, было рассмотрено в течение месяца и утверждено Николаем II. На гербе лазуревое щита был изображен «стоящий на задних лапах золотой лев, с червлеными глазами, языком и когтями. Он опирается правою лапою на золотой ликторский пук, а в левой — держит серебряную оливковую ветвь. В вольной золотой части щита черный государственный орел с червленим щитком на груди, на коем вензелевое изображение имени государя императора Николая II. Щит украшен графскою короною и увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: два черных орлиных крыла»¹. Лев, опирающийся на ликторский лук, символизировал административную власть и законность, оливковая ветвь — символ мира, олицетворяя заключение Портсмутского договора с Японией, орел — символ возведения Витте в графское достоинство².

Тем не менее для царя вопрос об отставке Витте был решенным. Предвидя решение царя, Витте 14 апреля посылает Его величеству письмо с просьбой освободить его от обязанностей председателя Совета министров. В письме Витте излагает те доводы, по которым он не может оставаться в этой должности. 16 апреля граф С. Ю. Витте получил ответное письмо от царя. В нем Николай II изъявляет свое согласие на его просьбу и вполне доверительно сообщает, что не видит ближайшее будущее так черно, как оно кажется его корреспонденту. Касаясь положения Думы, царь отметил, что она получилась такой, какой она была задумана законом 11 декабря о выборах, поскольку существовала инертность консервативной массы населения и воздержание местных властей от выборной кампании, чего не бывает в других государствах [4, с. 341–342]. В конце письма царь ис-

¹ Граф Сепрей Витте. Чем знаменит был этот человек? [Электронный ресурс]. URL: <https://otvet.mail.ru/yuestion/29591014> (дата обращения: 21.04. 2017).

² Гербовое отделение сенатского Департамента Герольдии [Электронный ресурс]. URL: [cdtnkfyf/publ/geraldika/geraldika/gerbovoe_otdelenie_senatskogo_depартamenta_geroldii/36-1-0-40](http://publ/geraldika/geraldika/gerbovoe_otdelenie_senatskogo_depартamenta_geroldii/36-1-0-40) (дата обращения: 21.04. 2017).

кренне благодарил Витте за преданность ему на посту председателя Совета министров.

На другой день, 17 апреля, у царя в Царском Селе проходило последнее заседание Кабинета министров. А. В. Богданович сообщает (со слов Мордвинова): Витте не знал, что на заседание был приглашен И. Л. Горемыкин. Обсуждали те добавления в «основные законы», которые внес Витте по вопросу о равноправии евреев и об отчуждении земли. Пожалуй, можно предположить, что это была завершающая битва между Витте и Горемыкиным. Наконец «Горемыка» взял реванш, провалив эти вопросы. Он горячо говорил, что это «пахнет революцией, что тогда недолго ждать момента, когда над зданием, где они собраны сейчас царем будет развеиваться флаг с надписью «народное достояние». Эти слова решили участь и Витте, и Горемыкина — первый покинул свой пост, а второй на нем водворился» (19 апреля) [2, с. 384]. Сам Витте упоминает лишь то, что в этот день виделся с государем и тот спросил его, кого бы он рекомендовал на свое место. Сложно предположить, что чувствовал Витте, слушая этот каверзный вопрос, но он все же назвал имя государственного контролера Д. А. Filosofova [4, с. 342].

19 апреля В. Н. Коковцов застал Витте за разбором в своем кабинете накопившихся бумаг перед выездом из апартаментов Зимнего дворца. Витте говорил бравурно, что он самый счастливейший из смертных, дескать, государь не мог оказать ему большей милости, как уволить его с каторги, на которой он просто изнывал. Безусловно, Витте понимал, что с ним поступили несправедливо, но закон власти для всех одинаков и ему следует только подчиниться. Он сообщил В. Н. Коковцову, что собирается уехать за границу и ни о чем не хочет слышать, дескать, ему все равно, как будут здесь разворачиваться события. И с горечью добавил: «Ведь вся Россия — сплошной сумасшедший дом, и вся пресловутая передовая интеллигенция не лучше других»¹.

22 апреля от «благодарного Николая» поступил на имя Витте высочайший рескрипт об освобождении его от должности председателя Совета министров. Первый премьер-министр России был смещен ввиду ослабления его здоровья и т. д. [4, с. 342] В конце рескрипта искренне благодарный Николай II уведомил, что пожаловал Витте звание кавалера ордена Св. Александра Невского (с собственноручной припиской) с бриллиантами и надписью «За труды и Отечество» [4, с. 342–343]. За три дня до увольнения 23 апреля Витте официально в мундире пришел благодарить государя, что тот с пониманием исполнил его просьбу. Одновременно Витте отклонялся и государыне. Витте знал цену монаршей любезности, тем более что ему уже сообщили о восклицании государыни («Ух!») в знак облегчения, когда узнала о его уходе. Царь продолжил с Витте разговор о его преемнике, сообщив ему, что назначает на его место человека из числа его врагов. Идея царя не застала Витте врасплох и он попросил царя напомнить ему, кто же у него враги. Царь лукаво сообщил, что остановился на кандидатуре из числа врагов Витте не потому, что он его враг, а в силу того, что в настоящее время находит полезным назначение на пост премьера — И. Л. Горемыкина. Витте оставалось только усмехнуться, и дать понять, что И. Л. Горемыкин не может быть его врагом — слишком мал калибром. Это замечание вызвало у Царя улыбку [4, с. 344]. Что означала улыбка царя? Витте не только догадывался, но и знал, что по рекомендации дворцового коменданта Д. Ф. Трепова председателем Совета министров станет Горемыкин, но он не мог знать, какую тайную роль играл по отношению к нему его вечный оппонент Горемыкин. По запискам А. А. Будберга (ярого противника реформ

¹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого, Воспоминания 1903–1919 гг. Т. 1. Париж, 1933. С. 166–167.

Витте) известно, что после 17 октября он вместе с Горемыкиным и Треповым замышляли убийство Витте [22, с. 188].

Но одновременно с вопросом об отставке Витте решался вопрос и об увольнении П. Н. Дурново с поста министра внутренних дел. Если Витте знал о своей отставке, ибо сам ее инициировал, то для П. Н. Дурново его собственная отставка оказалась неожиданностью. Он даже мечтал занять место премьера. Казалось, Витте уже не являлся помехой для его карьеры, но именно Витте стал причиной его падения. Тот влиятельный кружок, который постоянно представлял царю деятельность премьера Витте в неблагоприятном виде, пользуясь компрометирующими данными, которые им поставлял Дурново, рекомендовал царю уволить и П. Н. Дурново. В этот кружок входили известные противники Витте — И. Л. Горемыкин, А. В. Кривошеин, А. В. Бельгард и В. Ф. Трепов (брат Д. Ф. Трепова, дворцового коменданта и любимого советника царя) [8, с. 534–535], да и сам Д. Ф. Трепов был причастен к этой борьбе, ведь он являлся полудиктатором в стране. Они мотивировали идею указа об отставке «Витте–Дурново» тем, что для общественности имя П. Н. Дурново ненавистно, поэтому царю необходимо продемонстрировать, что его политика направлена не в сторону реакции (идея предназначалась для успокоения общественности, которой давали понять, что П. Н. Дурново не будет назначен премьером). Вместе с тем царь освобождал себя от критически настроенного против себя премьера (выгодное условие для царя), а с другой стороны, для противников Витте недопустимо было оставлять П. Н. Дурново, который мог стать новым фаворитом и заменить самого Д. Ф. Трепова. Но политически аргументированным действием против Витте было стремление развенчать его либеральные взгляды и связать имя Витте с именем П. Н. Дурново, создав вокруг него ореол псевдореализма в кругах общественности [Там же].

Витте не был понят ни рабочими, ни общественностью. Государственная Дума начала работу без своего «отца-основателя» (это была личная просьба Витте — покинуть пост премьера до открытия Думы). И хотя Николай II оставил Витте на службе, но это была почетная служба для всех «бывших». Витте до конца своих дней так и не поднялся наверх по иерархической лестнице. Однако жажда быть в гуще политических событий беспокойно отзывалась в его душе. Он настойчиво пытался напомнить всем о себе, стремясь вновь попасть на государственную службу, т. е. всегда быть при власти и во власти. Витте после отставки желает вновь получить любую второстепенную должность, но безуспешно. Унижая свое достоинство, он пытается обратиться даже к Г. Распутину, хотя совершенно недавно называл его низменной личностью.

Царский вердикт бесповоротно отлучил Витте от государственной службы. Справедливости ради стоит отметить, что в высочайшем рескрипте от 22 апреля 1906 г. были упомянуты заслуги Витте перед отечеством, охватывающие период его шестимесячного времени на посту премьера: борьба с «крамольниками», привлечение подданных к выбору и открытию законодательного учреждения, заключение внешнего договора. Однако со стороны бывших коллег сохранялась видимость корректности, но уже с проявлением отчужденности, было видно, что никто не стремился ему сочувствовать. Напротив, вся деятельность Витте осуждалась, а сам Манифест 17 октября его личным желанием в укреплении своей карьеры. Богданович сокрушалась, что «царь отпустил Витте и дал ему такой теплый рескрипт». Хотя, по словам А. И. Петрова, «царь за 5 дней до отставки Витте говорил, что видеть его не может, не хочет, чтобы он оставался премьером» (24 апреля) [2, с. 386]. 27 апреля 1906 г. произошел «великий исторический переворот в земле русской» — Богданович так рассматривает день открытия Думы. Она пишет, что «царь как будто хочет уверить и себя и всех, что остается самодержавным, а на самом деле — нет» [Там же]. В день открытия Государственной Думы 27 апреля не обошлось без ин-

триги. Не все понимали, что случилось, но многие говорили А. В. Богданович о состоянии царственных особ: «царь, когда шел в зал, был удручен, расстроен. Молодая царица — тоже, лицо у нее было все в красных пятнах. Царица-мать лучше собою владела» [Там же] (интригу впоследствии раскроет императрица Мария Федоровна). И далее Богданович пишет: «Но когда царь вошел на трон, когда читал речь, тогда он овладел собой и своим голосом и читал громко, внятно» [Там же]. Такое преобразование было связано с тем, что царь пытался спасти свое лицо самодержца и положение Дома Романовых. Депутаты Думы с первых минут отказались встречаться с царем и после тронной речи в Георгиевском зале в спешке отплыли на пароходах в Таврический дворец. Дума оказалась более левой, чем ожидали.

Вокруг имени Витте и после его ухода существовала напряженная обстановка. Витте задумал в январе 1907 г. составить справку о Манифесте 17 октября как документ исторической ценности. Он это делал ради установления исторической справедливости, а свои действия, как правило, он всегда рассматривал с позиции исторической целесообразности. Витте решил документально на бумаге изложить не только все сложные события, но и изобразить всех главных действующих лиц. Справка была готова к началу февраля и передана министру двора графу В. Б. Фредериксу. По мнению А. А. Мосолова, прочитавшего первым этот документ, факты в справке излагались верно и последовательно, но его память, дескать, сохранила иную картину. Отсюда он делает вывод, что Витте изложил только те факты, которые не могли испортить его политический портрет. Вместе с тем он утверждает, что справка составлена так умно и тонко, что при отказе ее признать правильной, Витте мог бы с готовностью вычеркнуть те факты, которые были бы найдены неверными, но при этом он добавляет, «а вычеркнуть было нечего». Когда справка, наконец, дошла до государя, то она пролежала у него три недели, а затем государь ее возвратил министру Императорского Двора В. Б. Фредериксу без всяких пометок. В свою очередь В. Б. Фредерикс не мог долго написать текст препроводительного письма, чтобы вернуть Витте справку. Государь, узнав, что граф так и не дал никакого ответа Витте, одобрил его действия и сказал: «С Витте всегда так. Ему трудно возражать, но в его словах редко чувствуется искренность» [16, с. 52–53]. У Витте после отставки осталось лишь почетное членство в Государственном совете, которое сохранялось до конца его жизни, но в этом членстве не было возможностей для инициатив — одни присутствия и слушания.

Публично имя Витте вновь прозвучало в 1907 г., когда на него произошло покушение при весьма странных обстоятельствах: кто-то изнутри дома подложил «адскую машину» — бомбу. Витте предполагал, что покушение на него произошло не без участия «обожаемого монарха» (он знал, что у государя в столе лежал план его дома). Но по странным обстоятельствам, судебная власть жаловалась непосредственно Витте, что не могут раскрыть это преступление ввиду его собственной «симуляции», поскольку упорно ходили слухи, что это он сам себе подложил «адскую машину», чтобы обратить на себя внимание и вновь приобрести популярность¹.

Примечательно, что в 1909 г. общественность познакомилась с пьесой «Большой человек» известного талантливого публициста и драматурга И. И. Колышко (1861–1938). Прототипом главного героя В. А. Ишимова стал бывший министр финансов и первый председатель Совета министров Сергей Юльевич Витте. Добавим, что И. И. Колышко долгие годы имел тесные связи с Витте и знал о нем не понаслышке, а непосредственно работая с ним в министерстве путей сообщения и министерстве финансов. Свою карьеру И. И. Колышко сделал не только за счет своих благодетелей — князя В. П. Мещерского и С. Ю. Витте, а как незаурядная личность,

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Книгоиздат. «Слово». Т. II. 1922. С. 120–121.

способная одновременно осуществлять и авантюрные поступки. Одновременно с выполнением деятельности чиновника он показал себя плодовитым журналистом, сотрудничая с тремя газетами («Гражданин», «Русское слово» и «Биржевые ведомости»). В духе того времени занимался интригами против князя Э. Э. Ухтомского, вел закулисные игры против министра В. К. Плеве. И. И. Колышко исполнял роль посредника между В. П. Мещерским и Витте в их совместных делах против В. К. Плеве. С князем Мещерским он познакомился в 1881 г., Витте упоминает в мемуарах, что их знакомство было связано с интересом князя к молодым людям мужского пола, а сам Витте использовал И. И. Колышко на должности секретаря и «наемного пера», т.е. способного составлять различного рода официальные документы. Именно перу И. И. Колышко принадлежит составление всеподданнейшего доклада царю 17 октября 1905 г., в котором предлагалось учредить впервые в России должность премьер-министра, т.е. главы правительства из общественных деятелей. По признанию И. И. Колышко, его политическая карьера закатилась вместе с отставкой Витте в апреле 1906 г. с поста премьер-министра.

Идея написать пьесу о Витте была предложена И. И. Колышко издателем газеты «Новое время» и одновременно владельцем театра А. С. Сувориным. Так называемый «Суворинский» театр был известен в Петербурге, а сам А. С. Суворин приобрел известность не только в мире журналистики, но и в драматургических кругах. К тому же А. С. Суворин хорошо знал общественное мнение и вкусы публики. Витте вызывал в обществе большой интерес даже после своей отставки. Это объясняется тем, что Витте как реформатор строил новую Россию, являлся ее героем в Портсмуте при заключении мирного договора с японцами, решительно повел себя с государем при подписании Манифеста 17 октября 1905 г., ему принадлежала идея правительства «общественных деятелей» и утверждения поста «премьер-министра» Совета министров, закрепив его за собой. Бесспорно, одни признавали его заслуги перед отечеством и любили, другие — отрицали все его реформы, не видя в них пользы для России, поэтому порицали и всегда с нетерпением ожидали его падения. Суворин понимал противоречивость фигуры Витте, но, рассуждая о будущем герое с И. И. Колышко, он весьма лаконично убеждает будущего автора пьесы в том, что именно он «хорошо разобрался в Витте», имея в виду их совместную работу в министерстве. Будет ли написано правильно, он не знает, но то, что пьесу И. И. Колышко напишет — у него сомнений не было. А. С. Суворин в этой знаменитой беседе с автором просит озаглавить пьесу и дать ей оригинальное название — «Большой человек» [12, с. 276]. Пьеса была написана в кратчайший срок — за один месяц. Автор отправил ее А. С. Суворину 22 мая 1908 г., а первый спектакль был поставлен на сцене Суворинского театра уже 15 ноября (режиссер Н. Н. Арбатов) в бенефис актера Б. С. Глаголина. Спектакль «Большой человек» стал «гвоздем сезона» и продержался на сцене до 20 февраля 1909 г. (около четырех месяцев). Итак, в центре пьесы «Большой человек» герой В. А. Ишимов — современный государственный деятель, прототипом которого стал Витте. Цензура не допускала изображения на сцене живых государственных деятелей, поэтому драматург не стремился изобразить портретное сходство с реальным сановником, а выразил лишь «типичность» характера героя и тех обстоятельств, в которых он жил и работал. Сюжет пьесы повествовал о человеке с сильным государственным талантом, перед ним возникают постоянно препятствия, которые мешают его цельному развитию, и он не может преодолеть зависть, лень, косность, интриги и бездарность. Все больше погружаясь в атмосферу дельцов и бюрократов, талант начинает сам интриговать и создавать мифы о своей карьере. Тем самым очевидно, что выдающийся государственный деятель на любой другой почве, кроме российской, смог бы стать великим человеком [21, с. 67–73]. Как видно, в фабуле пьесы сквозным действием проходит прямая аналогия ситуации в Портсмуте. В 1905 г. американцы рукоплескали таланту Витте, который он демонстрировал на переговорах

с японцами. В американской прессе писали, что если бы Витте жил в Америке, то имея такой талант государственного деятеля, он обязательно был бы избран президентом. Между тем И. И. Колышко беспокоился, что пьеса может рассорить его с Витте. Ведь Ишимов-Витте предстал «выходцем из низов, космополитом, болеющим за развитие империи», но в то же время — «как человек, который прорвался к большой власти, после чего единственной целью в жизни которого стало сохранение этой власти» [12, с. 3–15].

За опальным Витте после постановки пьесы закрепилось имя «Большой человек». Публицист «Московских ведомостей», размышляя о тенденциях в современной литературе и, в частности о пьесе И. И. Колышко, писал о появлении «сильного человека». Он подчеркивает, что закончилось время «лишних людей», непригодных к жизни и для деятельности. Нежные и поэтические образы И. С. Тургенева все более «вспыхнули и последним пламенем опошлили» у А. П. Чехова, но они не могут возратить себе былого обаяния — молодежь потянулась к философии сильного человека Ф. Ницше¹. Пьеса И. И. Колышко о Витте была востребована не только в столице, труппа актеров проехала по городам России, в том числе спектакль показывали и в Одессе, где жил и учился Витте. И. И. Колышко на этой пьесе заработал 200 000 рублей². Что касается Витте, то он, действительно, обиделся на автора, но на тот момент не рассорился с ним окончательно. Ссора между ними произошла незадолго до кончины Витте, когда 8 декабря 1914 г., драматург неожиданно объявился в его доме. И только после этой встречи Витте открыто заявил, что закрыл перед ним двери своего дома, обещая вывести его на «чистую воду»³. Можно только догадываться, что могло встревожить Витте и заставить его публично говорить о И. И. Колышко в гневном тоне. Возможно, Витте знал о связях И. И. Колышко в Швеции с немцами, где последний обитал по амурным делам возле очередной возлюбленной немки Э. Брейденбенд, которую выслали из России. Именно этот факт мог послужить причиной угроз в адрес И. И. Колышко. Шла война с Германией и предусмотрительный граф этим скандалом пытался отмежеваться от публициста, боясь скомпрометировать себя в глазах царя и общественности. И это было не напрасно, за Витте с начала войны было установлено наружное наблюдение, в министерстве внутренних дел пытались проследить связи Витте, в том числе и с немцами.

Граф Витте после своей отставки не имел тесных контактов с Николаем II. Но у них оставалось одно незавершенное совместное мероприятие, важное для каждого в равной степени. Этим событием в их жизни стало торжественное открытие памятника Александру III в 1909 г. [5, с. 455–463] Строительство памятника началось, когда Витте был еще министром финансов. Министерство финансов 25 ноября 1899 г. объявило конкурс на создание памятника Александру III — основателю Сибирского железнодорожного пути от Петербурга до Владивостока. Из представленных конкурсных работ Николай II одобрил вариант скульптуры на коне Паоло Трубецкого с пьедесталом работы Шехтеля (1900 г.). Примечательно, что П. Трубецкой вместе с О. Роденом был награжден в этом же году в Париже высшей наградой Гран-при за свою работу. Открытие монумента пытались приурочить к окончанию строительства Транссибирской дороги в 1902 г. Однако сроки не были выдержаны ввиду разногласий членов семьи Романовых и экспертов. В этой

¹ Бэн (Назаревский Б. В.) «Большой человек» // Московские ведомости. 1909. 24 февраля; Сагинадзе Э. О. Указ. соч. С. 83.

² Колышко И. И. Мое дело. Пг., 1917. С. 51–52.

³ Троицкий И. Обесчещенный талант // Новое русское слово. 1962, 24 ноября; Последний год жизни Сергея Юльевича Витте. По данным наружного наблюдения 1914–1915 гг. // Исторический архив. 2004. № 4. С. 81.

связи открытие затянулось на десятилетие¹. Вызывал споры образ императора. Александр III, с хорошей фигурой и благодушным лицом, в скульптуре, как казалось всем, карикатурно был изображен на лошади: не то «конным будочником», не то просто «пугалом». Видимо, такая ассоциация возникала из-за того, что в жизни он был «очень плохим верховым ездоком», боявшимся лошадей [3, с. 273, 291]. У многих это вызывало сомнение не столько в искренности Витте и Николая II к памяти Александра III, сколько в мастерстве П. Трубецкого — неумении лепить с портрета. Собственно говоря, для Витте сама идея воздвигнуть памятник великому императору могла означать дань памяти великой эпохе, во время которой Витте начинал свою государственную карьеру. Россия впервые при правлении Александра III не участвовала в войнах и не проливала кровь — это была эпоха царя-миротворца. В этом случае только недруги Витте могли подразумевать, что он относится к строительству памятника с тайным умыслом. Напротив, Витте ценил творчество князя Паоло Трубецкого, у него не было сомнений, что идея скульптура, представленная на суд комиссии, может кому-то не понравиться, по существу, его оценка совпадала с положительной оценкой И. Репина [17, с. 460]. Но здесь решающим являлось отношение самого скульптора П. Трубецкого к той идее, которую он воплощал в памятнике. Бесспорно, сутью идеи был человек, а не копия с портрета [14, с. 239]. Как утверждал философ В. В. Розанов, П. Трубецкой изобразил Александра массивным «медвежатым» богатырем, что в дальнейшем станет официальным популярным мотивом. Статуя Александра на коне как бы помещена в контекст национального мифа и являлась своеобразным ответом на памятник Петру Великому скульптора Э. Фальконе. По мнению В. В. Розанова, в концепции П. Трубецкого все «мое, наше», одним словом — «всероссийское» [23, с. 574–575]. Николай II тоже находился под воздействием идеи величия образа русского богатыря и исполина. Вместе с царем модель статуи была одобрена вдовствующей императрицей и великим князем Владимиром Александровичем. Открытие памятника Александру III происходило при огромном стечении горожан 23 мая 1909 г. Как записал в своем дневнике граф И. И. Толстой, Витте приехал раньше государя. Он «до комизма волновался вопросом, понравится ли статуя» и графу Толстому приходилось его успокаивать. К 12 часам, когда началось торжество, приехал государь с обеими императрицами. По мнению гр. Толстого, торжество прошло блестяще. По окончании государь вызвал членов комиссии по постройке статуи, в том числе и графа Толстого, и выразил свое удовольствие прошедшим торжеством, находя памятник удачным и выразительным. На встрече присутствовала императрица Мария Федоровна, подтвердившая, что ей памятник понравился. Но народ не принял этот памятник и все недоумевал, поговаривая: «Какой это царь? Это извозчик, в извозчицкой шапке и сидит на ломовой лошади!»²

Интересно, что под впечатлением открытия 23 мая 1909 г. памятника, Николай II в память об этом семейном торжестве, заказал у К. Фаберже пасхальное яйцо. В 1910 г. на светлый день Пасхи он преподнес вдовствующей императрице Марии Федоровне бесценный подарок в память августейшего Отца — прозрачное алмазное пасхальное яйцо, внутрь которого был помещен миниатюрный «Конный памятник Александру III» работы П. Трубецкого. Можно считать, что это пасхальное яйцо является особенным подтверждением признания проекта П. Трубецкого, как со стороны Николая II, так и вдовствующей императрицы.

¹ Паршина Е. А. Памятник Александру III [Электронный ресурс]. URL: www.hellopiter.ru/Monument_%20to_%20Aleksander_III.html (дата обращения: 25.04.2015).

² И. И. Толстой о С. Ю. Витте / С. Ю. Витте на страницах дневника И. И. Толстого, запись от 23 мая 1909 г. № 14. С. 126. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_t/tolst_vitte.html (дата обращения: 19.11. 2016).

Безусловно, знаковым оставался и поступок Николая II по отношению к Витте. К тому времени Витте не занимал никаких официальных должностей, но продолжал выполнять определенную роль управляющего в течение всех лет строительства памятника. Государь, зная о его желании увековечить правление Александра III в статуи из мрамора, разрешил Витте закончить этот проект. Витте по его поручению следил за строительством памятника. Любопытно, что даже после политической отставки, Витте оставался куратором памятника вплоть до его установления, чем доказал свою личную преданность царю-Миротворцу.

Несомненно, для Витте и царя смерть Александра III была большой утратой: один потерял почитаемого императора «с царским сердцем» [3, с. 285], другой — почитаемого Отца, чей авторитет обязывал его быть лучше, чем он сам себя ощущал. Когда в 1894 г. из Москвы тело Александра III доставили в Петербург, то впервые с достоинством было проведено ритуальное шествие по городу, в котором принимал участие молодой царь — Николай II. Похоронная процессия двигалась за гробом Александра III от Знаменской площади у Николаевского вокзала (ныне Московский вокзал) по Невскому проспекту до Петропавловской крепости [9, с. 214] в усыпальницу русских царей.

Место установки статуи на Знаменской площади, по сути, являлось символическим и имело двойной смысл — как отправной пункт Транссибирской железной дороги, которую начинал Александр III и как прибытие и начало шествия с его телом по Невскому проспекту, согласно траурному ритуалу. Среди встречающих гроб с телом Александра III был все тот же преданный ему министр Витте [20, с. 59], и он же, многие годы по велению Николая II, являлся куратором всех работ по установлению памятника. Церемония открытия памятника на Знаменской площади проходила при огромном стечении горожан и официальных лиц. С открытием монумента Александру III — Николай II и бывший премьер-министр Витте символично «закрыли занавес» совместной политической жизни.

Но политическая жизнь Витте продолжалась. В 1909 г. Витте поздравили с 60-летием в Государственном Совете, членом которого он состоял после своей отставки. Его бывший председатель граф Д. М. Сольский (1905–1906) отметил, обращаясь к Витте, что своими делами он соорудил себе прочный памятник. Как ни парадоксально, о Витте, как о первом премьер-министре России, все еще продолжали помнить и в Европе. Его имя дважды включали в списки на Нобелевскую премию (1911, 1912) по номинации — «первый конституционный премьер-министр Российской империи. 1905–1906 гг.». Витте попал в списки на Нобелевскую премию мира по рекомендации Карла Бруна — профессора философии Университета в Цюрихе (Швейцария)¹. К сожалению, Витте не являлся к этому времени действующим политиком. О заслугах русского государственного деятеля в европейских странах уже мало кто мог помнить, даже в самой России могли помнить лишь те, кто с ним работал. Современники никогда действующих и живущих рядом с ними чиновников не чтят, только по истечении некоторого времени вспоминаются имена выдающихся государственных деятелей, кто приумножал славу Отечеству.

В этом случае примечательно, что русский император Николай II Романов (1900) и первый его премьер-министр Сергей Юльевич Витте (1911, 1912) были номинированы европейцами на Нобелевскую премию мира. К сожалению, никто из номинированных на премию мира не был удостоен звания лауреата, т. е. Россия не получила своих «голубей мира». Хотя оба номинанта на Нобелевскую премию перед человечеством имели большие заслуги: Николай II как основатель Гаагского суда

¹Рязанов Д. С., Корсакова И. С., Тютюнник В. М. Россия и Нобелевские премии мира (1901–1955 гг.). Опыт анализа в контексте истории [Электронный ресурс]. URL: [>...2015/nobelevskay](http://nobel-centre.com) (дата обращения: 20.01. 2016).

(1899), а С.Ю. Витте — за Портсмутский мирный договор (1905) и укрепление в России демократического строя (1905–1906).

С начала XX в. Россия во главе с Николаем II вступила во второй раз в военный конфликт. Если в войне 1904–1905 гг. Российская империя воевала с одним государством — Японией (и проиграла!), то в войне, начавшейся в 1914 г., она находилась в состоянии войны с тремя империями — Германией, Австро-Венгрией, Турцией и их сателлитами. Что касается Витте, то он выступал против военного столкновения не только с японской стороной, но и был противником войны с европейскими странами. Он придерживался политики мирного сосуществования так же, как и Александр III. Но так или иначе, главных виновников в развязывании войны с Японией общественность даже называла персонально, в том числе объявлялся и сам Витте. Он всегда находился на виду у публики, что позволяло ей видеть в нем то предателя, то шпиона, не видя за спиной Николая II его тайных советчиков. И все же Витте не являлся пособником войны, а напротив, постоянно вел борьбу с «партией войны», прилагая определенные усилия в противодействии войне с японцами. Войну же на европейском направлении Витте полностью относил только к ошибкам русской дипломатии¹. Ввиду того, что Витте выступал против войны с Германией, за ним с 28 августа 1914 г. было установлено наружное наблюдение. Оно продолжалось вплоть до смерти Витте, т.е. до 28 февраля 1915 г. В стране по указанию министерства внутренних дел были созданы так называемые «черные кабинеты», в которых собиралась корреспонденция ненадежных высокопоставленных государственных и общественных деятелей. В адресную перлюстрацию переписки российской элиты попало 114 человек. По поводу первых 58 человек от 23 сентября 1914 г. поступило распоряжение об «особо тщательном наблюдении» не только за контактами, но и за их корреспонденцией. Среди них отдельным пунктом числился Витте, помимо Витте — П. Н. Дурново, А. Д. Оболенский, журналисты — М. М. Андроников, С. М. Проппер, Л. М. Клячко, В. А. Грингмут (главный редактор «Московских ведомостей»), придворные Императорского Двора — А. А. Мосолов (начальник канцелярии Министерства Императорского Двора, генерал-лейтенант), интимные друзья царской семьи — А. А. Вырубова и Г. Е. Распутин².

Несмотря на то, что Витте был уже смертельно болен, он выразил готовность взять на себя миротворческую миссию и попытаться вступить в переговоры с немцами о прекращении войны. Витте оставался бойцом до конца своей жизни. Как видно, последним желанием Витте было и на этот раз спасти лицо Николая II перед мировым сообществом. Витте не терял надежды и до конца своей жизни надеялся, что вернется к активной политической деятельности и царь, наконец, примет его с докладом...

С.Ю. Витте никогда сам себя не признавал «бывшим министром», возможно, что с его именем не сочеталось понятие — «бывший», его постоянные акции и опека не давали покоя Николаю II. И даже смерть Витте 28 февраля 1915 г. не примирила царя с реформатором. Известие о смерти Витте застало царя по пути в Ставку, царь публично в нелицеприятном тоне выразил мысль, что, наконец, исчез «опасный очаг смуты» [8, с. 536]. Смерть графа Витте стала облегчением для императора. Об этом свидетельствуют французский посол М. Палеолог и русский журналист Л. М. Клячко, знавшие Витте. Так, М. Палеолог отмечает, что в беседе с ним Николай II якобы слишком откровенно и «с блеском иронической ра-

¹ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Кн. 1. Гл. 7 [Электронный ресурс]. URL: www.rummuseum.ru/lib-s/spirid107.php (дата обращения: 24.12.2016).

² Измозик В. С. «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII — начало XX века. Гл. 5. Роль «черных кабинетов» в политической и общественной жизни [Электронный ресурс]. URL: fanread.ru/book/12391396/?page=104 (дата обращения: 02.01.2017).

дости в глазах» высказывался о смерти опального премьер-министра, поясняя, что смерть Витте для него является «глубоким облегчением», объясняя это простой фразой, что «большой очаг интриг погас вместе с ним», что он его смерть принимает как «знак Божий». М. Палеолог по этим словам судит, насколько глубоко Витте беспокоил царя [19, с. 170]. В то же время в воспоминаниях Л. М. Клячко звучит, что «даже после смерти Витте Николай II остался верен своей ненависти и своей мелочной мстительности: он не послал вдове сочувственной телеграммы»¹. Для царя наконец наступило время жить без Витте.

Литература

1. Батурин А. П. Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М., 2013.
2. Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990.
3. Витте С. Ю. Воспоминания // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.
4. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М. : Книга по Требованию, 2013.
5. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. Приложения. О постройке памятника Императору Александру III. М., 2013.
6. Воспоминания великого князя Александра Михайловича Романова. С предисловием Николая Старикова. СПб., 2015.
7. Воспоминания Н. Н. Покровского о Комитете министров в 90-е гг. XIX в. // Исторический архив. 2002. № 2.
8. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
9. Епанчин Н. А. На службе трех императоров // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.
10. Ильин С. В. Витте. М., 2006.
11. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М. : ТЕППА, 1996.
12. Колышко И. И. Великий распад. Воспоминания / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. В. Лукьянова. СПб., 2009.
13. Крыжановский С. Е. Воспоминания. Берлин, 1938.
14. Мартынов С. Д. Государственный человек Витте. СПб., 2008.
15. Милюков П. Н. История второй русской революции: Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2002.
16. Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1999.
17. На изломе эпох: вклад С. Ю. Витте в развитие российской государственности. Исследования и публикации. В 2 т. Т. 2. С. Ю. Витте и его современники. СПб., 2014.
18. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Белград, 1939, Т. 1.
19. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
20. Радзинский Э. «Господи... спаси и умири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М., 1993.
21. Сагинадзе Э. О. Образ реформатора С. Ю. Витте в пьесе И. И. Колышко «Большой человек» // На изломе эпох: вклад С. Ю. Витте в развитие российской государственности. Исследования и публикации. Т. II. С. Ю. Витте и его современники. СПб., 2014.
22. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981.
23. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004.

References

1. Baturin A. P. *Pyotr Nikolaevich Durnovo. Russian Nostradamus* [Petr Nikolaevich Durnovo. Russkii Nostradamus]. M., 2013. (rus)
2. Bogdanovich A. V. *Three last autocrats* [Tri poslednikh samoderzhitsa]. M., 1990. (rus)
3. Witte S. Yu. *Memoirs* [Vospominaniya] // Alexander III. *Memoirs. Diaries. Letters* [Aleksandr III. Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma]. SPb., 2001. (rus)
4. Witte S. Yu. *Memoirs* [Vospominaniya]. V. 3. M. : Book on demand [Kniga po Trebovaniyu], 2013. (rus)

¹ Львов (Клячко Л. М.). За кулисами старого режима. Л., 1926. С. 152.

5. Witte S.Yu. *Memoirs: V. 1. Applications: About construction of a monument to the Emperor of Alexander III* [Vospominaniya. T. 1. Prilozheniya. O postroike pamyatnika Imperatoru Aleksandru III]. M., 2013. (rus)
6. *Memoirs of the grand duke Alexander Mikhaylovich Romanov* [Vospominaniya velikogo knyazya Aleksandra Mikhailovicha Romanova]. With Nikolay Starikov's preface. SPb., 2015. (rus)
7. N.N. Pokrovsky's *memories on Committee of ministers in the 90th of the XIX century* [Vospominaniya N.N. Pokrovskogo o Komitete ministrov v 90-e gg. XIX v.] // Historical archive [Istoricheskii arkhiv]. 2002. N 2. (rus)
8. Gurko V.I. *Lines and silhouettes of the past: The government and the public in Nicholas II's reign in the image of the contemporary* [Cherty i siluety proshlogo: Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika]. M., 2000. (rus)
9. Epanchin N.A. *On service of three emperors* [Na sluzhbe trekh imperatorov] // Alexander III. Memoirs. Diaries. Letters [Aleksandr III. Vospominaniya. Dnevniki. Pis'ma]. SPb., 2001. (rus)
10. Ilyin S.V. *Witte*. M., 2006. (rus)
11. Kerensky A.F. *Russia on historical turn: Memoirs* [Rossiya na istoricheskom povorote: Memuary]. M.: TERRA, 1996. (rus)
12. Kolyshko I.I. *Great disintegration. Memoirs* [Velikii raspad. Vospominaniya] / Collector, Introduction text and comments of I.V. Lukyanov. SPb., 2009. (rus)
13. Kryzhanovsky S.E. *Memoirs* [Vospominaniya]. Berlin, 1938. (rus)
14. Martynov S.D. *State person Witte* [Gosudarstvennyi chelovek Vitte]. SPb., 2008. (rus)
15. Milyukov P.N. *History of the second Russian revolution: Memoirs* [Istoriya vtoroi russkoi revolyutsii: Vospominaniya. Memuary]. Minsk: Harvest, 2002. (rus)
16. Mosolov A.A. *At court of the last Emperor* [Pri dvore poslednego imperatora]. SPb., 1999. (rus)
17. *On a break of eras: S.Yu. Witte's contribution to development of the Russian statehood. Researches and publications* [Na izlome epokh: vklad S.Yu. Vitte v razvitie rossiiskoi gosudarstvennosti. Issledovaniya i publikatsii]. In 2 v. V. 2. S.Yu. Witte and his contemporaries [S.Yu. Vitte i ego sovremenniki]. SPb., 2014. (rus)
18. Oldenburg S.S. *Reign of the Emperor Nicholas II* [Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II]. Belgrade, 1939, V. 1. (rus)
19. Paleolog M. *Imperial Russia during world war* [Tsarskaya Rossiya vo vremya mirovoi voiny]. M., 1991. (rus)
20. Radzinsky E. *"My God ... save and pacify Russia". Nicholas II: life and death* [«Gospodi... spasi i usmiri Rossiyu». Nikolai II: zhizn' i smert']. M., 1993. (rus)
21. Saginadze E.O. *An image of the reformer S.Yu. Witte in the play of I.I. Kolyshko "The big person"* [Obraz reformatora S.Yu. Vitte v p'ese I.I. Kolyshko «Bol'shoi chelovek»] // On a break of eras: S.Yu. Witte's contribution to development of the Russian statehood. Researches and publications. V. II. S.Yu. Witte and his contemporaries [Na izlome epokh: vklad S.Yu. Vitte v razvitie rossiiskoi gosudarstvennosti. Issledovaniya i publikatsii. T. II. S.Yu. Vitte i ego sovremenniki]. SPb., 2014. (rus)
22. Solovyov Yu.B. *Autocracy and the nobility in 1902–1907* [Samoderzhavie i dvoryanstvo v 1902–1907 gg.]. L., 1981. (rus)
23. Wortman R.S. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy* [Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii]. In 2 v. V. 2: From Alexander II to Nicholas II's renunciation [Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II]. M., 2004. (rus)